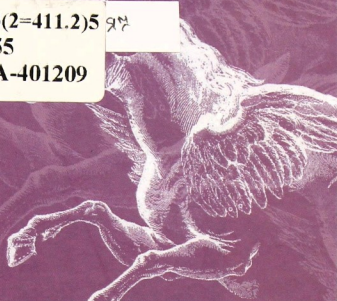

83.3(2=411.2)5 94

Г55

СА-401209

Е. Б. Глушаков

ВЕЛИКИЕ СУДЬБЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

XVIII ВЕК

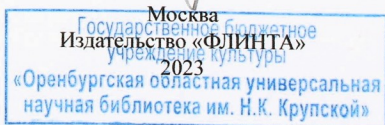
ФЛИНТА

Е.Б. Глушаков

ВЕЛИКИЕ СУДЬБЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

XVIII ВЕК

3-е издание, стереотипное

СА-401209

СОДЕРЖАНИЕ

Бриллиантовый век русской поэзии	4
«Силою Вышнего держусь...» (о Гавриле Романовиче Державине)	6
Дедушка Крылов (об Иване Андреевиче Крылове)	133
Учитель поэтов и царей (о Василии Андреевиче Жуковском)	225

Бриллиантовый век русской поэзии

Удивительная пора — XVIII век отечественной истории, благословенное время, когда Россия по-настоящему стала Россией. Время гигантов, начатое Петром Великим, продолженное Михаилом Ломоносовым, Екатериной Великой, Григорием Потёмкиным, Фёдором Ушаковым, Александром Суворовым, Николаем Карамзиным. Каждый — огромная, государственного масштаба личность, и ко всем применим этот поразительного роста и размаха эпитет: великий, великий, великий...

Единственный в своём роде исторический период, когда перед каждым, на каком бы поприще он ни подвизался, открывались необозримые просторы неводеланной целины. Но при этом и косность, и зависть, и преступная корысть стеной вырастали на пути первопроходцев.

И это было экзаменом для их устремлений, проверкой дарования, испытанием сил. Только чудо-богатыри и могли перепахать эту трудную, местами глинистую и даже каменистую почву, только им было дано бросить в неё благодатное семя и взрастить отменный урожай.

Ну а слабый, отойди! Или нет: суетись, мельтеши, мешай! Именно твои уловки, твои хитрости и коварство создадут необходимый фон помех и препятствий, чтобы силачи прежде своего созревания не придремали среди кладбищенского изобилия лавровых венков, но в преодолении выпадов и нападков своего века укреплялись в мужестве, доблести, терпении и любви!

Вот и поэты были вознесены этим временем, и озаменовали его исключительно великие: Гаврила Державин, Иван Крылов, Василий Жуковский. Три горемычные сироты, усыновлённые Всевышним, три основных направления российской поэзии, три могучих кита, на спинах которых она обустривалась.

Гаврила Романович Державин — её возвышенное, одическое, гражданственное начало. Не знающая компромиссов совесть, голос истины и правды, слышимый всюду и повсеместно. Неудержимый порыв к добрым началам жизни, к справедливости, к Богу!

Иван Андреевич Крылов — сатирическое, юмористическое, простонародное веселье русского стиха. Мудрость, исходящая из народа и к нему обращённая. Слово — и разумное по смысловой глубине, и яркое по образной силе, и беспощадное по духу обличения. Душа добрая, но с лукавинкой, щедрая, но с хитрецой.

Василий Андреевич Жуковский — мягкое, женственное, лирическое звучание русского стиха, а вследствие этих качеств — ещё и дружественная, переводческая стезя отечественной поэзии. Кладёзь христианской веры и заботы о ближнем, высокого благородства и сердечного участия, нравственной чистоты и душевного горения.

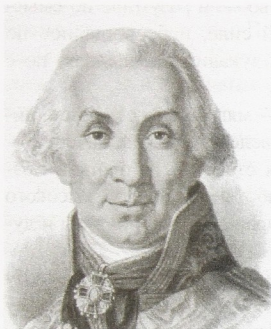
Бриллиантовый век русской поэзии! И не только по своему драгоценному достоинству, но и по царственному, придворному блеску. Поэты, ценимые и первыми лицами государства, и образованным дворянством, и «тёмными людишками», вплоть до обывателей-мещан и невежественного крестьянства.

Именно они явили миру беспримерную силу, мудрость и красоту русской поэзии. При этом каждый из исполинов оставался искренним, открытым, простым человеком. И в житейском поединке неизменно проигрывал, уступал более ловким соперникам. И тогда становилось ясно, что и бессмертные смертны, что и великаны поэтического пера — всего лишь люди, мало чем отличающиеся от каждого из нас.

И это делало их понятнее, ближе, роднее.

«СИЛОЮ ВЫШНЕГО ДЕРЖУСЬ...»

О ГАВРИЛЕ РОМАНОВИЧЕ ДЕРЖАВИНЕ

Были поэты и до Гаврилы Романовича Державина — самобытные, интересные, яркие. Нашупывали начальные подходы к русскому стихосложению. Одерживали первые победы в борьбе с неуклюжестью и невежеством родного, худо обработанного языка. Однако истинная поэзия ещё только брезжила в их труднопроносимых виршах. Для решительного прорыва в область рифмованного чуда, высочайшего

пафоса и великих мыслей нужен был гений — и он явился никем не предсказанный, ничем не обещанный.

Прежде всего расскажем о его заморских корнях.

Выходец из Большой Орды мурза Багрим в XV веке приехал в Москву. Поступил на службу к великому князю Василию Васильевичу Тёмному. Был крещён, а со временем за усердие и честность пожалован землёй. От Багрима пошли на Руси Нарбековы, Акинфовы, Теглевы. Один из Нарбековых сумел отличиться и стал известен под прозвищем *Держава*. От него и произошли Державины.

Как видим, рецептура в главном та же, что позднее у Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Фета, Блока, — прививка чуждой, издалека прихлынувшей крови. А значит, не только крови, но иной истории, традиций, нравов, иных языковых глубин. Отсю-

да и широкий, объёмный разворот личности, и незатёртое, сугубо новое звучание поэтического слова.

Род Державиных, разрастаясь, становился всё многочисленнее и, следовательно, беднее. Ну а поместье *Державы*, поначалу обширное, в дальнейшем без новых удачливых владельцев, щедрых пожалований и приобретений, дробилось из поколения в поколение и вконец измельчало.

Вот и родители будущего поэта: Роман Николаевич Державин — военный в небольших чинах, и Фёкла Андреевна, урождённая Козлова, оказались по дворянским меркам очень даже небогаты. За отцом — 10 душ крепостных крестьян и за матерью — 50. Земли — с гулькин нос.

Приходилось из-за каждого клочка и судиться с соседями, и принимать побои, и драться. Жила семья то в Казани, то в крошечной деревеньке поблизости от неё. Отсюда неопределённость места рождения Гаврилы Романовича — первенца, появившегося на свет 3 июля 1743 года.

Ребёнок был тщедушен и хил. Явно не жилец. Для таких болезненных существовало в русском народе единственное средство — запечь в хлебе, дабы сколько-нибудь живости придать. Как это всё производили и под каким градусом — не знаем. Очевидно, в русской печи. А задвигали мальчонку в тесте, должно быть, неглубоко — не дальше устья. И полешки подкладывали по одному, с осторожностью...

Как тут не вспомнить слова Иисуса Христа:

«Я есмь хлеб жизни...»

Вот и поэту будет суждено сделаться духовной пищей многих. Во всяком случае, и в огне выжил, и вылечился, и окреп. Долго не говорил, пока однажды не показали младенцу комету о шести хвостах, наводившую на всех ужас. Посмотрел, ткнул в небо пальчиком оттопыренным и сказал первое слово:

— Бог!

Ради такого начала можно было с говорением и подождать.

ДЕДУШКА КРЫЛОВ

ОБ ИВАНЕ АНДРЕЕВИЧЕ КРЫЛОВЕ

Европа явно на взлёте. Ужасы инквизиции позади. Галантная, благоволящая к искусству и наукам эпоха. В моде Эллада и Древний Рим. Полуразвалившиеся руины призваны стать фундаментом новейшей культуры. Поэты перепевают пропетое. Писатели переписывают написанное. Философы с восторгом умиления подхватывают нестареющие идеи античных мыслителей. И всё это делается торопливо, наперегонки. Только бы

успеть, урвать свою долю творческого подражания, лёгких денег, незаслуженной славы.

Запоздалое похмелье на пиру всемирного разума!

Вот и Екатерина II, только-только захватившая русский престол, увлечена возвышенными идеями Руссо и лукавой, издевательской лестью Вольтера, с которым состоит в щекочущей самолюбие переписке. Даже голова кружится от слов, непривычно высоких и прежде неведомых захолустной принцессе, называвшейся Софией Фредерикой Августой Анхальт-Цербстской, дурно воспитанной, худо образованной.

Теперь она — императрица, властолюбивая и сластолюбивая, придавившая своей дородностью российский трон, словно кухонную табуретку. Ещё недавно бегавшая с мальчишками по улицам захудалого прусского городишка Штеттина и лазавшая

по деревьям, теперь — самодержица, желающая восхищённого поклонения подданных и славы добродетельной государыни — истинной матери Российского Просвещения. А посему весь напوماженный хор придворных вельмож и поочерёдных фаворитов уверяет могущественную мечтательницу, что это действительно так, что она такая и есть...

Увы, чтобы насаждать добродетели, необходимо сначала обнаружить их в самой себе, а значит, и к власти прийти иным, более достойным путём, и пользоваться этой властью совсем иначе — не в амурных целях, но во благо народа, взятого под твою руку. Всякая попытка сочетать эгоистическое с общегражданским — обречена.

Вот и оказываются «славные Екатерининские времена» эпохой громких военных побед и тихого куртуазно-изысканного разврата. С блистательными начатками просветительства соседствуют монарший произвол и средневековые ужасы крепостного рабства. Ну а закон молчит, закон взят на откуп знатными прохвостами и прихвостнями.

Процветают казнокрадство, разбой, лихоимство, воровство.

Столь контрастно закрученное время не могло не прийтись на зуб наиболее отчаянным и остроумным его сынам, порождая множество скабрёзных анекдотов, главным действующим лицом которых становится Екатерина. И поделом. Не надо было превращать гвардию в царский бордель, а гвардейцев — в «мужчин по вызову».

Сексуальная всеядность и ненасытность государыни, а также страх перед огромной, не слишком понятной ей страной оказываются «малой закваской» бесстыдства и безнравственности, которая вскоре сквасит всё тесто.

Ну а народ бунтовал, закипая то восстанием Степана Разина, то душегубством Емельяна Пугачёва. На гротесковый кошмар Екатерининских безобразий не могли не откликнуться и самые благородные, самые сострадательные сердца интеллектуальной

России: Александр Радищев, Николай Новиков, Денис Фон-визин...

И всё-таки наиболее полное отражение частная и общественная жизнь Екатерининской поры получила в карикатурных образах, созданных пером её современника — величайшего русского баснописца Ивана Андреевича Крылова. Впрочем, как и мартышка в его известной басне, отечество наше разлюбезное вряд ли сумело себя разглядеть и узнать в эпическом зеркале набросанных поэтом картин.

Не узнала бы себя и Екатерина, столь часто, в постоянном стремлении нравиться своим бесчисленным любовникам, смотревшаяся в дворцовые зеркала. Однако кроме заученной мины царственного величия и благородной снисходительности от своих зеркальных двойников вряд ли чем полезным разжилась.

Будучи обнажена перед жеребьячьей гвардией, перед двором, перед страной, государыня, может быть, и постеснялась бы своей прусской родни, но Европа — далеко и так же распущена. Монархия, привыкшая облачаться и разоблачаться посредством слуг, вряд ли способна на целомудренную стыдливость. Вот почему всякий король был, есть и останется голым. И ничто так легко и непринуждённо не оборачивается срамом, как чувство превосходства.

2 февраля 1768 года, то есть в пору первоначальных монарших иллюзий, в Москве родился Иван Андреевич Крылов, которому предстояло посмеяться не только над самообольщениями века сего, но и над прочими незатейливыми пороками нашей исконно-посконной темноты и косности.

Но это потом. А пока у новорождённого задачи куда проще и важнее — время от времени посасывать грудь родительницы, доброй и тихой Марии Алексеевны, и тут же засыпать у неё на руках под стук и покачивание повозки, уносящей их обратно в Астрахань к мужу и отцу — армейскому капитану Андрею Прохоровичу Крылову.

УЧИТЕЛЬ ПОЭТОВ И ЦАРЕЙ

О ВАСИЛИИ АНДРЕЕВИЧЕ ЖУКОВСКОМ

До чего же непросто — про-
извести на свет великого поэта!

Только Господу Богу под силу.
А люди и не пытайтесь. Слишком
много причин и следствий долж-
но сойтись. Да и попадание в
нужный геном требует сложных,
даже причудливых пертурбаций
в наследственных кодах. Зача-
стую дело не обходится без меж-
этнической селекции с дальни-
ми странствиями и переездами,
освежающими кровь и дающими
личности будущего песнопевца
воистину планетарный масштаб.

Вот и пленная турчанка Сальха вовсе не случайно была
привезена в 1770 году из далёкого турецкого города Бендеры в
Тульскую губернию, в село Мишенское — поместье Афанасия
Ивановича Бунина. Сделали это его крестьяне-маркитанты, со-
провождавшие армию Румянцева. И предназначалась красави-
ца, конечно же, барину, чтобы, по хитрой мужицкой задумке, от-
влечь его от крепостных девиц. А была она высока, тонка в
поясе и глаза имела преогромные.

Афанасий Иванович когда-то, в молодые годы, служил в
Нарвском полку. Однако рано вышел в отставку, женился на
Марии Григорьевне Безобразовой и поселился в Туле. А на
весну, лето и осень выезжал в Мишенское, расположенное

в окрестности уездного города Билёва. Человек он был образованный, начитанный; имел натуру волевою, деятельную и семейство держал в строгости. Всего у Буниных родилось одиннадцать детей: десять дочерей и сын Иван. Сын умер в юношескую пору, а из девочек выжили только Наталья, Авдотья, Варвара и Екатерина.

Можно не сомневаться, что заморский подарок пришёлся Афанасию Ивановичу по вкусу. Для неё, желанной, для неё, любимой, построили отдельный флигель, куда перебрался и сам помещик.

Поначалу, чтобы Сальха не бездельничала на манер восточных наложниц, содержательниц серая, поручили ей нянчиться с младшими господскими детишками. Позднее, по причине редкой честности и разумности, сделалась она экономкой и домоправительницей.

А брюхатил Бунин турчанку справно; и в меру господской любви рожала ему подневольная девочек, и только девочек. Да не выживали, помирали одна за другой быстро, загадочно. Верно, вокруг сластолюбивого барина немалые страсти разыгрывались и бушевали. А может быть, оттого помирали, что блуд, что не было и не могло быть над этим беззаконием Божьего благословения, оттого, что нельзя людям этак силком, коверкая человеческую породу, сходиться.

Вот почему, когда 29 января 1783 года в Мишенском у Сальхи родился сын, к нему было проявлено особое внимание со стороны Марии Григорьевны, законной жены Афанасия Ивановича, примирившейся с его экзотическим предпочтением. Только её любовь к пасынку, вероятно, и смогла покрыть мужний грех.

Мальчик был крещён и назван Василием. Крестным отцом стал обедневший помещик Андрей Григорьевич Жуковский, в качестве нахлебника живущий при доме Буниных, а крестной матерью — Варя, четырнадцатилетняя сводная сестра новорожденного. Тогда же приняла христианство и Сальха, наречённая Елизаветой Дементьевной Турчаниновой.

В силу пущей заботы и опеки младенец не помер. Не исключено, что и чувство, какое-никакое, проскочило искоркой между похотливым господином и его несчастной рабой. Не потому ли года через три получила турчанка вид «к свободному в России жительству», что никоим образом не сказалось на её подневольной судьбе.

Мальчик же не только получил отчество от приживала Жуковского, но и был им усыновлён. Разумеется, по настоятельной просьбе Афанасия Ивановича. Впрочем, таковая процедура ещё не давала права Василию на дворянское звание, и поэтому он в двухлетнем возрасте был фиктивно записан сержантом в Астраханский гусарский полк. И лишь в 1789 году, после того как дитя произвели в прапорщики, было оно внесено в дворянскую родословную книгу Тульской губернии.

Поздний ребёнок — это всегда чревато ранним сиротством. Вот на девятом году мальчик и лишился отца, очутившись в чисто женском окружении четырёх сестёр и девяти племянниц, ими рождённых. Красивый кучерявый подросток с огромными глазами стал их общей любимой забавой.

Не чаяла в нём души и Мария Григорьевна, давшая мужу обещание заботиться о Васеньке, как о родном. И рос он посреди девичьего цветника добрым да нежным, ласковым да весёлым.

Выйдя замуж, его крёстная Варвара Афанасьевна, по мужу Юшкова, завела у себя в Туле литературно-музыкальный салон. Немудрено, что мальчик, навещавший тётушку, пристрастился к музыке и поэзии. В 7 лет уже писал стихи. А в 12 приступил к сочинению драмы «Камилл» из римской истории. И не только он, но и четыре дочери крёстной увлеклись литературой, да так, что впоследствии одна стала известной детской писательницей, другая переводчицей.

Во благо Васе пошли и домашние занятия: не без помощи гувернёров он овладел французским и немецким, научился читать по-английски, а ещё рисовать и танцевать. Когда же мальчика отвезли в Тулу для более серьёзной учёбы, его образовани-

ем сначала озаботился частный пансион Роде, а затем Тульское народное училище, краеугольным камнем которого являлась зубрёжка.

Не одолев третьего класса, Жуковский был изгнан из училища за неспособность, очевидно, к этой самой зубрёжке. Между тем Мария Григорьевна припомнила, что Вася, числившийся в Астраханском полку, после произведения его в прапорщики был вписан в штат генерал-поручика Кречетникова младшим адъютантом.

Появляется мысль уже в реальности продолжить недурно начатую военную карьеру. И вот надлежащим образом обмундированный и экипированный двенадцатилетний подросток отправляется вместе с соседом по имени майором Постниковым в полк, стоящий в Кексгольме.

Впечатлений предостаточно. И от старой крепости на берегу Ладожского озера, отвоёванной у шведов в 1710 году Петром I. И от посещения этой крепости графом Суворовым, который был встречен всеобщим ликованием и пушечной пальбой всех бастионов.

После квартирного пребывания в гарнизоне, ещё месяц Жуковский провёл в Петербурге. И опять удача. Юному прапорщику довелось с хоров императорского дворца наблюдать большой выход Екатерины II под звуки «Гром победы раздавайся» и орудийные залпы. Слова гимна принадлежали знаменитому Державину и высокой торжественностью потрясли юного поэта.

Когда Василий вернулся домой, военное будущее уже завораживало его и казалось делом решённым. И вдруг смерть государыни, воцарение Павла I и указ об отмене порочной практики отроческой службы и младенческой выслуги. После такого уже и рядовым в полку не оставят, не то что в офицерском чине.

Очередная заминка сиротской спотыкающейся судьбы. А за неимением чёткого, ясного продолжения — новые раздумья. И не очень приятный выбор между тем, что обещает карьеру,

но дорого, и тем, что по средствам, но бесперспективно. Совсем иначе в своё время решался вопрос о первенце Буниных, для которого нашлись деньги и на учёбу в Лейпциге. Но тогда при живом отце было полегче. К тому же на родного и последнее издержать не жалко.

Даже среди добрейших Буниных Василий ощущал себя всего лишь их игрушкой. Да и Сальха по-прежнему была им чужда. Когда-то на страницах дневника Жуковский осознает своё одиночество как благодарность каждому, кто его замечал и проявлял хоть какой-то интерес к его существованию:

«Не имея своего семейства, в котором бы я что-нибудь знал, я видел вокруг себя людей, мне коротко знакомых, потому что я был перед ними выращен, но не видал родных, мне принадлежащих по праву; я привыкал отделять себя ото всех, потому что никто не принимал во мне особого участия и потому что всякое участие казалось мне милостию».

Но и сироты не остаются без внимания. О них имеет особое попечение Сам Господь. Вот и нашёлся добрый человек — Пётр Николаевич Юшков, выказавший желание взять на себя половину расходов на обучение Василия. Похоже, крёстная постаралась — уговорила мужа.

И определили Жуковского в Москву, в Университетский благородный пансион — одно из лучших учебных заведений России. Чувствительное, благодарное сердечко мальчика не могло не откликнуться на таковую заботу обещанием хорошо учиться.

Тон в Университетском пансионе задавал заведующий инспектор Антон Антонович Прокопович-Антонский. И было большой удачей, что ему удалось повернуть навстречу родному языку не только образовательный процесс, но и сознание воспитанников, насквозь пропитанных французскими изысками ритуального светского общения. Время сохранило слова Прокоповича-Антонского, не утратившие смысл и теперь:

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**